

мощи; нить огула, а ладунки много, мохляты шудяи, а уаи джюмля тавияи в зидебаси беоимеи, итгезеице звуков трегуюи... «Раз!—да; теперь уясно, что что джюмляе толпа: са чудовищного голоса, са савито-радиальное нозуа, шумяиан и бурная рече; в напизах еи, из лаварити лозаннх и тенных переходов, зарождае са первый отчетливыи зычуи... «Смывае са аккорды, становится шпелей мавловоеи. Завываеи труби, звоночи, звенити ядлыи, хрюпеи хрюпеи, хрюпеи хрюпеи... Грохотуи бегуи, бегуи бегуи, бегуи бегуи... В бегуишх ударох, распадаюишх, сиюа, обурываеи речеи ядлыи и вряи, в нх обломках, вадк кичуи нх силы, рабейот молнии, зываеиша ядлыиа итгуче савлаи мюлюи. Смокляеи. Беоимеи. Неподвижнинеи. И ошкляеи, — и ошкляеи, — и ошкляеи».

мысль соединялись с отвлеченными сатирическими элементами; иными безобразными черты—с удивительной скупостью поэты в красоте; и все вместе, созданное из противоречивых элементов, представляло себе гармоническое целое. Это—единица не лучшая роль поэта.

Закрас утро

судьбы. Начинается демонализация, губящая на морях то, что должно составить силу племени—судьбу, трагичность. Показывается работа. И огромное впечатление от начальных картин значительно ослабляется картинами финальными. Но в общем все же „Аватема“ вещь огромной силы, большого, очень большого таланта.

Теперь об исполнении. И прежде всего о режиссуре в смысле идейной интерпретации пьесы. Здесь, на мой взгляд, допущена крупная ошибка, ошибка, которая,—увы!—часто грешатся Художественный театр. Традиционность понятия натуралистически и оттого недостаточно углублена. Режиссеры являлись еврейство „Аватемы“, как бы, как паспортную отметку.

И заставили исполнителей даже томироваться, давать акценты. Одним это удавалось, другим не удавалось, а массовые сцены даже пошло. Но дело не в этом. Еврейство „Аватемы“—символ. Это не Ковенская или Киевская губерния. Это еврейство —как страница древности. Как пергаментный свисок. Как библиоскопное предание. Это именно „Аватема“, а не алазма. Через большое А и т. Это —визит в времени. Визит быта. Визит вразумления на сегодняшний день. Задача режиссера—стилизовать эту мысль. Дать ей ослепительную сущность. Ей хотеть.

Художественный театр сдвигал как раз обратное. Он исходил от быта. И тем самым низ „трагического представления“ сдвигал просто историю о Давиде Лейбери. Историю, с которой ни в какую связь нельзя было оставить на эпизодах, на прологах. Авторы подчеркивают, что все это хаоса, все от тысяч времен, все от борьбы двух начал, доброго и злого. Режиссеры погнали авторов и тем самым оказали ему плохую услугу. Если не было достаточной силы, достаточного подъема, явленного в этом, в значительной степени, режиссерами, или, проявив материю, неважно дуть.

Но приходится воздать и должное: в рамках такой канальной ошибки пьеса поставлена в смысле идейных картин. И сцена изумительно. Так можно ставить только Художественный театр.

В пьесе три руководящих роли—Аватемы и Лейбери. В Аватеме г. Качалов достиг пока своей вершины. Это изумительно тонкий, осла-

нительный образ Мефистофеля в бровях и цилиндре. Действительность пролога в виде демонического смеха, дивный, острый жест, входящий, голос. Все это было произношено, именно—произнесено. Это была трагедия, рок, фатум. Совершенно обратное дхалат г. Вишняцкий в роли Давида Лейбери. Он подчеркивал общую режиссерскую ошибку и патриарха Давида, страну близкой мощи, извлекло до бедного, непоющего и побитого камнями еврея—из мистичка Минской губернии.

Таковы вкратце общия впечатления.

А. Б.

Орденский

„Аватема“ в Художественном театре.

Есть два театра: один—это приятное, полезное, хорошее развлечение, может быть, даже и поучение для широкой аудитории. Визит театр—самое доступное, самое демократическое зрелище.

Второй театр—создатель новых привычек. Тут могут быть и величайшие ошибки, и величайшие открытия; но может, не должно быть тут только одно: сдержанности, того, что уже является пробелом, малость, что уже сказано другими.

Примером первого театра—мне кажется: мы России все театры, за исключением одного, принадлежать к первой категории.

Вторую категорию представляют собой наши Художественный театр.

Безо мной, как часто приходится слышать, не соглашались, спорили и о чужестранцах, и по поводу ошибок взглядов, но зато только из меня чувствовалось, что здесь происходит творчество, что здесь есть нечто изысканное, фриз, из которых будут потом вымываться, быть или не быть таланты, все обречен.

В театре первой категории мы получаем то, что получали раньше, что будем получать позже: сегодня—получим, завтра—похуже, или наоборот.

В Художественном театре мы ничего не знаем, что мы получаем, не получаем то, чего мы не видели вчера и чего не увидим завтра.

Вот теперь, например, этот Андреевский „Аватема“: что поименно такое это представление? Да ничего, поименно. Это—новый шаг, шаг вперед.

Мы пытались строить точной заставки после генеральной репетиции и сказать: „Генеральная репетиция „Аватемы“ произошла на зрительное огромное

и тяжелое впечатление. Несомненно, что это впечатление является крупный победой как театра, так и изумительного таланта г. В. И. Качалова.

В этой заставке для обстоятельности требуются пояснения: 1) что значит „тяжелое впечатление“? и 2) почему говорится о победе и театре, и актера, и не говорится о победе автора?

Слово „тяжелое“ мне было прямо необходимо для того, чтобы выразить главный характер того впечатления, которое произвела генеральная репетиция.

Это не было радостным наслаждением,—о нет! Публика не аплодировала, восторгившись и счастливая, как было на генеральной репетиции „Силой птицы“. Не хотелось аплодировать.

Большинство зрителей судило подавленное, словно на его плечи навалили тяжелую ношу.

Эта ноша не была радостью, не ее хотелось нести; чувствовалось, что нести ее необходимо, как не обязательно бывает сделать какое-нибудь тяжелое, но малое дело. Театр не должен был быть легкой развлекательной, и был чужд то гордо большому.

А был автор и не упоминать потому, что не знал: его это победил или не его.

И еще не читал пьесы, а потому не знал ничего.

Не знаю, что тут от г. Н. Н. Андреева, а что от г. С. С. Степановича и г. В. И. Немировича-Данченко и г. В. В. Жуковского, и всех исполнителей. Художественный театр умел осмыслить пьесу так, чего в ней нет, и назвать того, что в ней, несомненно, не было.

Не знаю а,—пьеса ли это, или философский трактат, хотя и не, но все равно случай, это крупно.

Не знаю а,—не слышал ли сказать то, что сказал г. Н. Н. Андреев, было коротко, было ясно и определенно, хотя знал, что, во всяком случае,